

ствием мастеров, способных передавать сложные движения⁴⁶. В Среднем царстве эта сцена возрождается, однако так и не становится распространенной⁴⁷: в последующие эпохи она не использовалась вообще.

За время своего существования рассматриваемая сцена значительно не видоизменялась, поэтому ее использование для точной датировки гробниц невозможно. Однако сам факт ее наличия в столичной гробнице позволяет с большой долей уверенности относить ее к V дин., а для провинции он указывает скорее на первую половину VI дин. В сочетании с другими признаками это может быть полезно для датировки. Так, наличие сцены драки в гробнице *Мр(й)-с(й)-нх(.в)* III наряду с находкой в ней статуэток слуг и некоторыми другими признаками вызывает сильное сомнение в предлагавшейся датировке ее второй половиной IV дин. и позволяет относить ее к первой половине V дин. Итак, к нашим сведениям о жизни и нравах египтян прибавляется еще один эпизод, хотя и незначительный, но довольно интересный.

⁴⁶ Качество работы заметно ухудшается уже в гробницах в Дейр эль-Гебрави (21, 22), роспись в гробнице *К' (й)-хъл/Чтй-йкър* (31) отличается чрезвычайной статичностью всех фигур. К тому же и в расцвет Старого царства сложность поз людей в этой сцене вызывала даже у лучших художников трудности, с которыми они не всегда справлялись; см.: *Smith W. S. A History...*, p. 340.

⁴⁷ Мне известны следующие изображения времени Среднего царства:

1) роспись в гробнице *Хъмв-хътп(.в)* (Хнемухетпу, Хнумхотп) в Бени-Хасане (*Newberry P. E. Beni Hasan. London, 1893, pt I, табл. XXXIV*);

2) роспись в гробнице *Б'кты* [Бакти] в Бени-Хасане (*Newberry P. E. Beni Hasan. London, 1894, pt II, табл. IV*);

3) роспись в гробнице *Джхъвтй-хътп(.в)* [Джхутихетпу, Тотхотп] в Эль-Берше (*Griffith F. Ll., Newberry P. E. El Bersheh. London, 1894, pt I, табл. VIII*);

4) роспись в гробнице *Снбй* [Сенби] в Меире (*Blackman A. M. The Rock Tombs of Meir. London, pt I, 1914, табл. III—IV*);

5) роспись в гробнице *Вх-хътп(.в)* [Уххетпу] в Меире. (*Blackman A. M. Op. cit., London, 1915, pt II, табл. IV*).

В. И. Гохман

О ФРАТРИЯХ КУКИ-ЧИНОВ БАНГЛАДЕШ

Как известно, существует две теории происхождения дуальной организации. Согласно одной из них, дуальная организация образуется в результате разделения на две группы единого прежде коллектива, согласно другой — в результате слияния двух независимых коллективов.

Куки-чины района Читтагонг хилл трэктс (Бангладеш) переселились сюда из Чин хиллс (Бирма). Приведенный ниже материал интересен, так как дает возможность проследить происхождение групп переселенцев от их сородичей в Бирме. Ввиду того, что у куки-чинов Бангладеш существует дуальная организация, этот материал убедительно свидетельствует об одном из возможных путей ее образования.

В статье «Системы родства трех горных племен Читтагонга» К. Леви-Стросс приводит сведения о системе терминов родства, брачной и социальной организации небольшой группы куки-чинов¹. Он пишет, что куки из Читтагонг хилл трэктс разделены на две фратрии (половины), называемые соответственно «Пангкху» и «Бангзоги». Эти фратрии, как решительно утверждают их члены, не являются экзогамными. Единственной функцией фратрий, в которой куки уверены, выступает приоритет фратрии Пангкху в выборе вождя, т. е. обычно выбираются из этой фратрии. Поскольку, однако, продолжает Леви-Стросс, соблюдается экзогамия деревни при патрилинейности брачно-

¹ *Levi-Strauss C. Kinship Systems of Three Chittagong Hill Tribes.— Southwestern Journal of Anthropology, v. 8, 1, 1952, p. 40—51.*

го поселения, то, помимо сознания туземцев, оказывается, что в одних деревнях живут почти исключительно члены фратрии Пангкху, а в других — Бангзоги. Так, в одной из деревень, где он побывал, из 12 неженатых юношей и девушек лишь трое принадлежали к фратрии Бангзоги, а остальные — к Пангкху. Кроме того, фратрии все же имеют тенденцию к экзогамии, хотя и не прямо осуществляемой.

Члены обеих фратрий различаются лишь одной внешней особенностью — прической. Члены фратрии Пангкху скручивают волосы в узел на затылке, а члены фратрии Бангзоги — на лбу². Эти различия в прическе заслуживают более детального рассмотрения, так как мы знаем, что прическа у куки-чинов является во многих случаях показателем этнической и племенной принадлежности.

В частности, по данным Х. Н. Стивенсона, горные чины Бирмы подразделяются на так называемых *пави* и *мар*³. К мар относятся племена сокте, сийины и некоторые другие, которые вместе с тем составляют особое лингвистическое подразделение в пределах куки-чинской группы языков — так называемую северную подгруппу по классификациям Дж. Грирсона и Р. Шейфера⁴. К подразделению мар принадлежат и *лушай* (в основном живут в Индии), которые лингвистически относятся к центральной чинской подгруппе по классификации тех же авторов. Внутри этой подгруппы лушай составляют особое подразделение, противопоставленное подразделению лай или хака-чин. Последние наряду с многочисленными племенами области Фалам (лингвистически они тоже принадлежат к подгруппе лай-хака) относятся к пави. Как отмечает Х. Н. Стивенсон, внешне принадлежность к пави выражается в том, что объединяемые под этим названием племена завязывают волосы в узел на темени (так, что они оказываются опущенными на лоб), чем отличаются от племен мар, которые завязывают узел на затылке. Будучи скоррелирована с указанными лингвистическими и племенными различиями, прическа выступает как показатель каких-то религиозно-ритуальных различий. Этот вывод подтверждается тем, что при переселении мар на территорию пави переселившаяся группа не допускается до исполнения некоторых обрядов племен пави. Прическа сохраняется даже в условиях очень сильной языковой и культурной ассимиляции, какой, например, подверглось племя фанай (пави) со стороны лушай (мар), что следует из материалов, приводимых Дж. Шекспиром⁵.

Сопоставим теперь эти данные с информацией К. Леви-Стросса. Вполне очевидно, что одна из фратрий читтагонских куки-чинов, Пангкху, относится по прическе к мар, а другая — Бангзоги — по тому же признаку относится к пави. Более конкретные указания, к каким именно группам куки-чинов относятся Пангкху и Бангзоги, представляют нам данные языка. Р. Шейфер, основываясь на словарных материалах, собранных в «Лингвистик сервей оф Индия», приходит к выводу, что язык Бангзоги относится к группе лай, а язык Пангкху — к группе лушай⁶. Таким образом, лингвистические материалы, с одной стороны, уточняют первоначальную лингвоэтническую принадлежность этих двух фратрий, с другой — убедительно подтверждают, что их различия не случайны, но обусловлены различной племенной принадлежностью.

Следовательно, можно предположить, что у куки-чинов Бангладеш мы находим второй путь образования дуальной организации.

² Ibid., p. 46.

³ Stevenson N. H. The Economics of Central Chin Tribes. Bombay, 1941, p. 13.

⁴ Grierson G. A. Linguistic Survey of India, v. 3 pt 3, Calcutta, 1904, p. 2—3; Shafer R. Introduction to Sino-Tibetan, Pt 1. Wiesbaden, 1966, p. 5—6.

⁵ Shakespear J. The Lushai Kuki Clans. London, 1912.

⁶ Shafer R. Op. cit., p. 6.